

Мобилизационная повестка поколений в зеркале системы «IQBuzz» (опыт анализа протестов в сибирских городах)¹

Mobilization agenda of generations in the mirror of the "IQBuzz" system (experience of analyzing protests in Siberian cities)

DOI: 10.12737/2587-6295-2021-5-2-102-116

УДК 321.02

Получено: 27.04.2021

Одобрено: 10.06.2021

Опубликовано: 25.06.2021

Пустовойт Ю.А.

канд. полит. наук, доцент, доцент кафедры политических наук и технологий, доцент Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: pustovoyt1963@gmail.com

Pustovoyt Y.A.

Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Political Science and technology, Siberian Institute of Management, Branch of RANEPА
e-mail: pustovoyt1963@gmail.com

Аннотация

Целью настоящей работы является исследование изменений мобилизационной повестки (печатных и аудиовизуальных высказываний лидерами и участниками политических сообществ, направленных на установление контроля над значимыми ресурсами) в контексте смены поколений. Дизайн исследования задан теоретическими конструктами, сформулированными в рамках традиции выделения и описания динамики поколений (К. Мангейм, У. Штраус, Н. Хоув, В. Радаев), комплекса теории формирования идентичности через интерактивное ритуальное взаимодействие (Р. Коллинз, Н. Розов) и теории мобилизации Ч. Тилли. В фокусе внимания – гипотеза В. Радаева о межпоколенном «разломе», отсутствии общих политических тем между представителями советских и российских поколений. Используя возможности киберметрических *методов*, предоставляемых системой автоматизированного анализа сообщений «IQBuzz», автор выделяет комплексы сообщений, определяющих мобилизационную повестку в январе 2021 г. в городах Сибири. Сопоставление полученных данных с реальным поведением и сравнение значимых публикаций между собой методами сходства и различия позволяют сделать вывод об особенностях проявления политической активности поколений «бумеров» и «миллениалов». *Итоги* показывают, что как такового межпоколенного «разлома» нет. Советские и российские поколения имеют ряд общих политизированных тем, фокусов внимания, среди которых основные – социальная справедливость и национальная идентичность. Основной символический конфликт проходит между «властными» сообществами, теми, кто получил определенные конкурентные коллективные преимущества

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта Интернет как комсомол. «Бумеры» и «миллениалы»: особенности конструирования, обсуждения и реализации мобилизационной повестки (опыт сравнительного анализа формирования политической идентичности в сибирских городах) № 20-011-31355 опп.

в рамках декларируемой государством политики (политической повестки) и теми, кто их не имеет («несистемной оппозицией»). Линии конфликтов проходят скорее между представителями одного поколения, ровесниками, часть которых включена в официальную политическую систему, и теми, кто действует в политическом поле самостоятельно. Полученные результаты показывают перспективность продолжения работ и вполне сочетаются с имеющимися теоретическими традициями исследования поколений: классическими архетипами «пророков», «кочевников» и «героев» и советскими исследованиями «шестидесятников» – «семидесятников».

Ключевые слова: мобилизационная повестка, поколения, «бумеры», «миллениалы», идентичность, Сибирь.

Abstract

The *aim* of this work is to study changes in the mobilization agenda (printed and audiovisual statements by leaders and participants of political communities aimed at establishing control over significant resources) in the context of generational change. The research design was set by theoretical constructs formulated within the tradition of identifying and describing the dynamics of generations (K. Mannheim, W. Strauss, N. Hove, V. Radaev), a complex of the theory of identity formation through interactive ritual interaction (R. Collins, N. Rozov) and the theory of mobilization by Ch. Tilly. The focus of attention is the hypothesis of V. Radaev about the intergenerational «rift», the absence of common political themes between the representatives of the Soviet and Russian generations. Using the capabilities of cybermetric *methods* provided by the IQBuzz automated message analysis system, the author identifies message complexes that determine the mobilization agenda in January 2021 in Siberian cities. Comparison of the obtained data with real behavior and comparison of significant publications with each other by methods of similarity and difference allow us to draw a conclusion about the peculiarities of the manifestation of political activity of millennials. The *results* show that, as such, there is no intergenerational rift, despite all the dissimilarity, the Soviet and Russian generations have a number of common politicized topics (social justice, national identity). The main symbolic conflict takes place between the «power» communities, those who have received certain competitive collective advantages within the framework of the policy declared by the state (political agenda), and those who do not have them («non-systemic opposition»). The line of conflict runs rather between representatives of the same generation, peers, some of whom are included in the official political system and those that act independently in the political field. The results obtained show the prospects of continuing the work and are quite organically combined with the existing theoretical traditions of the study of generations: the classical archetypes of «prophets», «nomads» and «heroes» and Soviet studies of the «sixties» - «seventies».

Keywords: mobilization agenda, generations, «boomers», «millennials», identity, Siberia.

Введение

Ближайшие двадцать лет произойдет смена политических поколений. Соответствует ли политическая повестка (система ценностей, целей, норм и правил), сформулированная действующими элитами, в составе которой люди, в своем большинстве получившие социализацию в условиях советского опыта, ценностям, интересам и притязаниям более молодых россиян? В основе исследования – идея, высказанная В. Радаевым о существовании «разлома» между последним советским поколением, поколением «бумеров» или «застоя» (периоды рождения с 1947 по 1967 г. и, соответственно, юношеской социализации 1964–1984 гг.) и миллениалами (1981–2000 гг. рождения и 2000–2016 гг. взросления). По его мнению, исторические сдвиги, прошедшие в стране, привели к значимым изменениям. «Но возможны и качественные разломы, когда отношения между смежными поколениями выходят за рамки традиционного конфликта отцов и детей. Конфликт все-таки предполагает наличие содержательной коммуникации (пусть и протекающей в форме столкновений). Разлом же возникает при разрушении коммуникации, при котором артикулированный

конфликт может отсутствовать: сторонам просто не о чем разговаривать, предмет для конфликта отсутствует, но и взаимопонимания тоже нет. В этом случае речь идет не просто о серьезных изменениях восприятия и поведенческих практик, но о переходе поколений в ситуацию своего рода параллельного сосуществования» [12, с.28].

Так это или нет? Как и чем отличаются идеалы, нормы и практики политического взаимодействия тех, кто получил советский опыт политической социализации от тех, у кого он отсутствует? Можно ли уверенно утверждать, что новое «цифровое» поколение «детей» обладает совсем иной политической идентичностью, чем поколение родителей? Дизайн нашего исследования задан теоретическими конструктами, сформулированными в рамках традиции выделения и описания динамики поколений (прежде всего, К. Мангейма, У. Штрауса, Н. Хоува, В. Радаева, Ю. Левады и др.), теории формирования идентичности через ритуальное взаимодействие (Р. Коллинз, Н. Розов, А. Черных и др.) и введенного нами, на основе предложенного Ч. Тилли концепта «мобилизация», «мобилизационная повестка».

Цель исследования – на основе сравнения интернет-данных проверить гипотезу о существовании «разлома», выраженного в отсутствии общей мобилизационной повестки в поколениях «бумеров» и «миллениалов». Какие политические проблемы считают актуальными представители этих поколений, какие цели и ценности они отстаивают, какие средства предлагают для их решения? В чем сходство и различия мобилизационных повесток поколений между собой? Для проверки гипотезы мы выбрали кейс «23 января», в основе которого призыв лидера несистемной оппозиции А. Навального выходить на улицы. Через какое-то время в Фейсбуке появился анонс события под лозунгом «Свободу Навальному», подхваченный региональными штабами². Итоги митинга, число вышедших и задержанных по различным городам России также хорошо известны, что дает нам возможность сравнить мобилизационные повестки властных (провластных) групп и оппозиции, отследить ход дискуссии и сопоставить эти результаты с реальным поведением³.

Обзор научной литературы по проблеме поколений

Приоритет введения в социологию понятия «поколение» принадлежит К. Мангейму. Он определил его как возрастную когорту, представители которой придают одинаковое значение своему «местоположению» в историческом процессе, что уравнивает ее с категорией социального класса, и делал акцент на совместно пережитом историческом опыте и разделяемых общих ценностях [9, с. 40–41]. Особую популярность теория поколений получила с публикаций в 90-е годы работ американских исследователей В. Штрауса и Н. Хоува [21]. Именно их подход вызвал энтузиазм практиков рекламы, менеджмента и маркетинга и закономерный скепсис историков и социологов. Не касаясь перипетий этой дискуссии, так как она требует отдельной и обширной работы, выходящей далеко за рамки нашего исследования, отметим, что, несмотря на обоснованную критику (описательный характер и невозможность эмпирической проверки через построение фальсифицированных гипотез), ее общие положения и перспективы практического использования по-прежнему привлекают внимание специалистов. В целом, сторонники поколенческого подхода выделяют три критерия границ поколения: возрастные рамки, единые верования, ощущение причастности к своей возрастной когорте. Значимой признана идея смены циклов поколений: полный оборот занимает около 80 лет и отмечен сменой кризиса, в момент которого формируются ценности консенсуса, влияния институтов, идеалов

² Все об акциях 23 января. Как к ним готовятся власти и оппозиция, чего опасаться участникам — и что там с масочным режимом [Электронный ресурс]// Медуза [URL:https://meduza.io/slides/vse-ob-aktsiyah-23-yanvarya](https://meduza.io/slides/vse-ob-aktsiyah-23-yanvarya) (дата обращения 13.04.2021). Издание «Медуза» включено Минюстом в реестр СМИ-иноагентов.

³ Акции 23 января. Главное Мощное выступление регионов, три тысячи задержанных (это рекорд). И уже более 10 уголовных дел [Электронный ресурс] // Медуза [URL:https://meduza.io/feature/2021/01/24/aktsii-23-yanvarya-glavnoe](https://meduza.io/feature/2021/01/24/aktsii-23-yanvarya-glavnoe) (дата обращения 13.04.2021) «Кто они эти протестующие?» пост Александры Архиповой (2 февраля 2021) [Электронный ресурс]// [URL:https://www.facebook.com/photo?fbid=4562372340457020&set=a.101960386498260](https://www.facebook.com/photo?fbid=4562372340457020&set=a.101960386498260) (дата обращения 13.04.2021). Издание «Медуза» включено Минюстом в реестр СМИ-иноагентов.

самопожертвования и подъема, где главным становится этика самореализации и индивидуализм, что выражается в требованиях смены ригидных норм. На основе анализа американской истории авторы выделили четыре основных архетипа: «художники» (молчаливое поколение), «пророки» (высоко ставят мораль и общественное служение), «беби-бумеры», 1943–1963 г.р., «странники» (прагматичное «поколение X», 1964–1982 г.р.), «герои» (миллениалы – строители новых институтов, 1983–2003 г.р.).

В современных российских работах присутствуют минимум три типа установок и поколенческих моделей поведения со своими специфическими особенностями.

«Шестидесятники». Те, чья юность приходилась на годы политической «оттепели». Главным здесь, по мнению В. Воронкова, была возможность выбора жизненных перспектив вследствие смягчения репрессий, увеличения степени открытости общества, появления физического пространства приватности. Поиск своего пути стимулировал их на активную интеллектуальную работу, которая за редким исключением не была открытым вызовом государству и идеологии, но впоследствии именно это поколение сыграло решающую роль в революционных преобразованиях, не воспользовавшись их плодами [4, с.196].

«Семидесятники». Те, чья молодость пришлась на «застой» с его формальной ритуальной политизированностью, отказом от какой-либо внутриэлитной конкуренции и расширением специфических коррупционных практик управления (блат). Например, А. Юрчак [19], Д. Травин [16] отмечают смену доминирующих установок. Поколение, рожденное с середины 50-х годов, ценит ритуалы правильного оформления комсомольской отчетности и формулирует установки «делать дело и деньги», тихо игнорируя идеи всеобщего блага и коммунизма.

И, наконец, небольшое по объему поколение «лишних людей», выделенное М. Анипкиным, 1971–1973 г.р. с их ведущей чертой – рессентиментом, отсутствием перспектив жизненного роста, двойственной советско-российской идентичностью, где советское имеет позитивные коннотации и связано с личной сферой, а российская составляющая относится к формально-государственным отношениям и политической пассивностью [1].

Как уже было сказано, мы берем за основу границы и классификацию, сформулированную В. Радаевым. Выдвинутая им гипотеза социального перелома обосновывает формирование и распространение новых практик поведения по сравнению с предыдущими поколениями. В качестве эмпирической базы им были использованы данные российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ и сделан вывод о ряде параметров, существенно отличающих молодое поколение от предшествующих: позднее вступление во взрослую жизнь, что включает отделение от родителей, финансовую самостоятельность, брак и рождение детей, активность в использовании всех возможностей цифрового мира (от постоянного общения до ведения дел и работы), декларация более высокой толерантности в отношении сексуального разнообразия. «Число носителей этого архетипа, имеющих опыт советской сознательной жизни, сокращается. А приходящие на смену поколения, за кого бы они ни голосовали, во многом оказываются другими. И многие вопросы, принципиально важные для поколений советского периода, для них утрачивают свое значение» [12, с. 119].

Именно эта часть выводов, сделанных в отношении современной российской политики, вызывает вопросы и возражения. Во-первых, если ориентироваться на традиции школы элит, значение имеют не столько массовые практики, сколько позиция активного организованного меньшинства, которую сложно выделить при анализе данных, полученных в ходе мониторинга. Во-вторых, высокая толерантность к одним формам поведения совершенно не исключает нетерпимости к носителям иной политической позиции. В-третьих, даже беглый взгляд на фото участников митингов последних лет полностью отрицает идею о том, что миллениалы поголовно отказываются от политической жизни.

Предлагаем ввести понятие «мобилизационная повестка» – комплекс публичных печатных и аудиовизуальных высказываний, содержащий аргументированный перечень актуальных проблем и способов их разрешения, имеющий целью установление контроля

политического сообщества над значимыми ресурсами (бюджетом, назначениями, доступом к СМИ). Проблемы политической мобилизации и технологий вовлечения населения в политику отражены в достаточно представительном корпусе работ (см. например, Е.А. Кисляков [7], Т.Н. Митрохина [10], Д.В. Сосунов [14], Van Aelst P. [20], Д.С. Жуков [6], В.А. Ачкасова [2]). Тем не менее считаем, что следует выделять и отличать мобилизационную повестку от более широкой повестки – политической (программы действий ключевых акторов и результата неформальных внутриэлитных договоренностей) и более узкой, спонтанной и неуправляемой медиаповестки. Понятие «мобилизационная повестка» опирается на ключевые положения теории мобилизации Ч. Тилли [15, с. 21], где он рассматривает мобилизацию как процесс получения группового контроля над ресурсами, необходимыми для действия (рабочей силой, товарами, голосами). Таким образом, мобилизационная повестка представляет собой систему стимулов вовлечения индивида в политическую борьбу, в той или иной форме происходящую в институциональном поле, примером которого служат выборы, в пространстве символического противостояния (публичные дискуссии) и уличного протеста (митинги, демонстрации и пикеты).

Так как одним из наиболее употребительных характеристик миллениалов является словосочетание «цифровое поколение», то вполне логично начать исследование их политического поведения с анализа производимых ими текстов, высказываний, образов и данных в Интернет-среде. Базовым методом сбора и обработки больших данных (Big Data – цифровые следы, аккумулируемые специальными инструментами из различных источников) здесь выступает киберметрия, дающая возможность сбора и анализа не спровоцированных исследователем документов, отказа от принципа репрезентативности выборки, распространения результатов качественных методов (дискурс-анализа, «обоснованной теории» и др.) на численно большие эмпирические объекты в связи с существованием феномена «перепоста» [3, с. 14]. Конечно, при использовании киберметрических методов необходимо учитывать ряд недостатков (прежде всего, «цифровое неравенство», уязвимость к атакам и манипуляции), выявленных при изучении возможностей ресурсов, направленных на агрегацию и анализ больших массивов данных (см. например, политический анализ, проведенный С.Н. Федорченко на основе информации Google Trends [17]). Тем не менее сопоставление информационного контента с данными о реальном поведении, результатами опросов и наблюдений позволят строить более точные теоретические модели, прогнозирующее и объясняющие индивидуальное и групповое политическое поведение.

Теоретические основания и методы исследования

Для анализа содержания мобилизационной повестки, необходимо поместить ее в широкий теоретический контекст, рассматривая ее в рамках моделей социального взаимодействия. Наиболее продуктивным здесь нам представляется подход, разработанный в рамках социологии ритуалов (классические работы Э. Дюркгейма, М. Дуглас, И. Гофман), т.е. систем стандартизированных действий символического характера, обеспечивающих стабильность социальных групп. Ритуалы, с одной стороны, конструируют и поддерживают у индивида значение социального целого, с другой, в силу экспрессивной и лично обусловленной обязательности и потребности преодоления жизненных кризисов способствуют самоидентификации человеческого «Я». В этом измерении «мобилизационная повестка» представляет собой объект обсуждения, ограниченную тему, фокус внимания, вокруг которого сконцентрировано взаимодействие участников, что в ходе совместно переживаемых эмоций делает ее символом, служащим для образования сообществ различного типа. Итогом интерактивного ритуала является чувство солидарности, групповой принадлежности, идентичности, наполненности «эмоциональной энергией» [8, с. 103; 13, с. 42-47]. Именно в сетях формируется идентичность, которая понимается нами, вслед за Дж. Голдстоуном, как чувство привязанности и преданности группе, основанное на совместных эмоциях, ожиданиях благ и отношениях «принятия-вражды» с другими участниками, прежде всего, с государством, способным объявить любое сообщество своим врагом [5, с. 74-76]. В

этом случае производство (поддержание) актуальных идентичностей через конструирование и тиражирование мобилизационной повестки – главного ресурса политика – делает его полноценным субъектом политического рынка. На этой основе мы можем рассматривать эффективность мобилизационной повестки в соотношении с количеством сообщений (выступающими как единицы счета), и с ее содержанием, в качестве единиц анализа выделив фокусы внимания в этих сообщениях. Здесь значимы соотношения «Я» и «МЫ», артикулируемые эмоции, рациональные интересы и обозначение «другого» как оппонента или врага.

Так как конечной целью мобилизационной повестки является установление контроля над ресурсами, выделим систему оценок критериев эффективной мобилизационной повестки, которая вне конкретного содержания политической деятельности, идеологии и степени организованности сообщества означает: опыт электоральной победы кандидата на федеральном, региональном или городском уровне; наличие официальных (зарегистрированных как СМИ) и неофициальных (блогов и сайтов) каналов распространения информации; практика в организации совместных митингов, пикетов и демонстраций. Условимся, что если в городе протестные сообщества выработали повестку, соответствующую практически всем критериям, они получают оценку – «3», двум – «2», одному – «1» и не соответствуют ни одному – «0».

Наиболее удобным инструментом для наших целей считаем поисковую машину IQBuzz, созданную для отслеживания репутации в интернете. Система проводит мониторинг социальных медиа по заданному поисковому запросу. Для нас этот запрос представляет собой набор ключевых слов и хештегов (Свободу&Навальному, Алексей&Навальный, 23&января, Навальный&живи, Навальный, #свободунавальному, #навальныйживи, #митинг23января, #протест) за выбранный период с 20 по 26 января 2021 г. (три дня до митинга, три после) на русском языке по России и регионам, в которых расположены интересующие нас города с известными мобилизационными повестками (оценка эффективности действий оппозиции) Новосибирск (3), Томск (3), Абакан (2), Барнаул (2), Кемерово (1), Новокузнецк (1). Эти города рассматриваются нами как «естественные лаборатории», с одной стороны, отражающие политические процессы на федеральном уровне, с другой, отличающиеся собственной локальной спецификой, связанной со структурой экономики, уровнем комфорта и потребления, перспективами для молодежи, городскими режимами и протестной активностью, что находилось в фокусе нашего внимания и подробно исследовалось нами в течение последних шести лет [11].

Далее мы, создав рубрику (так называется описанная выше процедура), переходим к работе с отобранными системой документами. Машина автоматически определяет тональность собранных материалов, но поставленные ей оценки требуют корректировки. Отнесение сообщения к негативному или позитивному не означает отрицательной или положительной оценки мероприятия, личности, политика и т.д., так как система просто определяет общий эмоциональный настрой автора, но обычно не указывает объект этого настроения. Тем не менее она позволяет делать некоторые выводы по соотношению позитивных и негативных сообщений. На этом этапе мы выделили пики дискуссий, т.е. день и время, когда проходило основное обсуждение, и определяли в эти дни основные социально-демографические характеристики их участников. Для нас здесь важен возраст, в системе он не совпадает с границами поколений, но дает некоторое представление о том, как реагируют различные возрастные когорты на сообщения.

На последнем этапе мы отбираем из массива первые десять сообщений по числу комментариев (оценка значимости), по числу «лайков» (оценка подачи материала автором) и по количеству репостов (оценка транслируемости). Анализируем все отобранные документы: выделяем объекты, помещаемые в центр взаимодействия (основная тема, о чем идет речь), соотносим содержание с позицией «Я» и «МЫ», оцениваем эмоциональный фон,

возникающий на их основе (опираясь на подход А. Хокшильд⁴ [18, с. 338-340]), выделяем интересы как комплексы возможных благ, определяем тональность по отношению к оппоненту-врагу. И наконец, на последнем этапе из выбранных массивов находим сообщения, составленные представителями разных поколений, и сравниваем их между собой по мобилизационным повесткам, двигаясь от ключевых фраз сообщений, объединяя их в более широкие категории и выделяя центральную категорию, связывающую отдельные фрагменты в единое целое. Главное здесь – определить совпадают или нет мобилизационные повестки двух поколений.

Офлайн и онлайн-события в городах Сибири: результаты анализа

23 января 2021 г. в 198 городах России и 95 городах за рубежом, по разным оценкам, приняло участие от 110 тыс. до 250 тыс. чел., в ходе протестов – 4 тыс. задержанных, из которых около 300 – несовершеннолетние⁵. Для нашего анализа важно знать, что часть информации (например, в сети «ВКонтакте» – 50%,) была заблокирована и удалена по требованию Генеральной прокуратуры⁶. Поисковая система на этот период обнаружила 14 641 сообщений (73% от всего массива), из них 1353 оценила как негативные, 274 как позитивные, 106 как смешанные, тональность остальных автоматически не обработана (помечаются как нейтральные). Негативные сообщения преобладают в массиве и среди более молодой аудитории (рис. 2-3). По числу комментариев, лайков и репостов (из 30 отобранных текстов все «ВКонтакте», 18 материалов закреплены за группами, 12 – индивидуальные, 6 не имеют к обсуждаемой теме никакого отношения). Здесь на первом месте группа с говорящим о возрасте названием: «Я – пенсионер» (1380 комментариев, 2204 лайка и 138 репостов оценен системой как нейтральный), где за основу взято сообщение «Лидер ЛДПР призвал лишить оппозиционера свободы на 20 лет и предложить принять меры, чтобы не появлялись «новые Навальные». Под записью фото Жириновского и Навального с цитатой, в которой дана характеристика «подлец», объясняется причина оценки: «завербован, потому что встречают лучше, чем президента любой страны» и дается краткая характеристика сторонников: «больные люди: наркоманы и проститутки»⁷. Индивидуальный пост (автор 1988 г.р.) в поддержку митинга, оцененный системой как «смешанный» (230 комментариев, 70 лайков и 18 перепостов), содержит подробное и аргументированное изложение собственной позиции и в отношении к Навальному, и объяснение необходимости участия в митинге, и предложение порассуждать на тему: «а просто прошу Вас порассуждать в комментариях: 1. Если Вы не любите А. Навального - пояснить почему. 2. Если Вы его сторонник - тоже объясните, почему многие умные люди его не любят. 3. Если Вы не за тех и не за этих, то давайте просто рассуждать на эту тему»⁸.

Новосибирск и Томск города с высокой эффективностью оппозиционной мобилизационной повестки – 3. В Новосибирске на митинг 23 января пришло около 4000 чел., 96 задержанных, 28 суток ареста организатору, по итогам третий оппозиционный город страны⁹. IQBuzz за исследуемый период обнаружил 5847 сообщений (29% массива), из них 255 негативных, 203 позитивных, 33 смешанных и 5356 без знака. Пик активности пришелся

⁴ Сложносоставные эмоции – это серийные восприятия, названиям которых соответствуют пять категорий перцептивного фокуса: (1) то, что я хочу, (2) то состояние, в котором я сейчас нахожусь, (3) то, что я одобряю или не одобряю, (4) предполагаемый казуальный агент, (5) мое отношение к этому казуальному агенту. Каждая эмоция имеет две основные точки фокуса и иногда периферийный фокус.

⁵ Около 300 подростков задержаны на незаконных акциях в России [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2021/01/23/n_15527432.shtml (дата обращения 13.04.2021).

⁶ Социальные сети удаляют призывы к детям участвовать в незаконных массовых акциях [Электронный ресурс]. URL: <https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news73310.htm> (дата обращения 13.04.2021).

⁷ Пост ВКонтакте [Электронный ресурс]. URL: https://m.vk.com/wall-163759406_2640113 (дата обращения 13.04.2021).

⁸ Пост ВКонтакте [Электронный ресурс]. URL: https://m.vk.com/wall8061720_3143 (дата обращения 13.04.2021).

⁹ Почти сотня задержанных и один в больнице — итоги новосибирской акции протеста в семи карточках [Электронный ресурс]. URL: <https://ngs.ru/text/incidents/2021/01/24/69721061/> (дата обращения 13.04.2021).

на даты с 23 по 26 января, в этот период наибольшее число позитивных оценок дает возрастная группа от 36 до 45, негативных от 26 до 35. Из 30 отобранных сообщений авторских 23 (некоторые авторы отобраны по всем показателям), 7 – групповые.

Практически все отобранные системой популярные тексты написаны противниками оппозиции, судя по указанному возрасту, в большинстве миллениалами. Например, пост под подписью Дениса С. (175 комментариев, 512 лайков, 163 репоста), определен системой как «негативный», озаглавлен «Минутка ФРЕНДОЦИТА». Дается характеристика инициатору митинга и его сторонникам «*мразь, аферист и попрошайка, бандит и бывший нацист*» и выражается надежда, что после неизбежного избиения они (оппозиционеры) поймут «*свое место в жизни*», далее образно объясняются последствия силовых столкновений с полицией и заканчивается пожеланием «*Всего вам плохого, либеральный вы биомусор. В России без вас будет лучше*»¹⁰.

Томск – 2000 участников, на митинге задержаний не было, после организаторы мероприятия были задержаны, 35 чел. стали привлекать к ответственности после акции¹¹. Поисковая машина выдала 1844 сообщения (9%) в принятом выше соотношении негатив - позитив-смешанные и безоценочные, как 117-17-11-1699. Из самых популярных 30-ти сообщений, отобранных системой, половина закреплена за группами, половина за авторами, критически относящимися к митинговой активности. «*Подлец, критикующий подлецов, от того становится лидером за которым стоит идти?*». «*Уважаемые, родные мои лошары. Пишу без злобы. Ее богу, злобы нет, только жалость и смех. Желаю вам здоровья и всего самого доброго. Но вот если у вас хватит ума как-нибудь взять в будущем да и полезть на баррикады, и, если вопрос будет стоять о целостности народа, страны, - то придется уж на эти баррикады тоже приподняться и дать вам легонького поджопника. Чтоб в себя пришли*» (289 комментариев, 1440 лайков 726 репостов, возраст не указан)¹².

Сторонники митингов, за редким исключением, не представлены в отобранном массиве. В Новосибирске – руководитель штаба Навального Сергей Бойко 1983 г.р. (133 комментария, 222 лайка и 24 перепоста) в посте объясняет местному руководству КПРФ, что вряд ли в день выхода известного фильма следует утверждать, что Навальный – агент Кремля¹³. Оппозиционные сообщества в Томске отвечать вообще в должном масштабе не смогли, так как «ВКонтакте» заблокировал все группы по координации протестов¹⁴.

Города Абакан и Барнаул по эффективности мобилизационной повестки получают оценку – 2. В 2019 г. в Абакане на выборах губернатора молодой кандидат от КПРФ неожиданно победил действующего главу региона от «Единой России». Там 23 января на митинг вышли около 100 чел., задержаны 25. IQBuzz нашел 909 сообщений (4%) в соотношении 88 (негатив) -24 (позитив) -5 (смешанные)-792 (нейтральные). Пик активности приходится на 23, 24 и 26 января. Здесь самые популярные также группового авторства: «*Жесть Инцидент Абакан*» (216 комментариев, 210 лайков, 202 репоста), треть за официальными политическими объединениями (КПРФ Хакасия Абакан), треть за индивидуальными авторами, преимущественно старшего возраста. «*За то, что молодежь пошла за Навальным Надо содрать эти деньги с их родителей. А уж они сами разберутся с*

¹⁰Пост ВКонтакте [Электронный ресурс]. URL: https://m.vk.com/wall6545086_42867 (дата обращения 13.04.2021)

¹¹ 50 томичей задержали на мирных акциях в поддержку Навального 23 и 31 января [Электронный ресурс]. URL: <https://tv2.today/News/50-tomichey-zaderzhali-na-mirnyh-akciyah-v-podderzhku-navalnogo-23-i-i-31-yanvarya#ixzz6oby7qzUN> (дата обращения 13.04.2021).

¹²Пост ВКонтакте [Электронный ресурс]. URL: https://m.vk.com/wall147369301_6951 (дата обращения 13.04.2021).

¹³ Пост ВКонтакте [Электронный ресурс]. URL: https://m.vk.com/wall304500681_9038 (дата обращения 13.04.2021).

¹⁴ Пост ВКонтакте [Электронный ресурс]. URL: https://m.vk.com/wall-57308544_243801 (дата обращения 13.04.2021).

Навальным»¹⁵ (автору 73 года, 44 комментария, 5 лайков 0 репостов). Противники митинга акцентируют внимание на жертвах и лишениях: *«Революция — это не романтика! Это не на один год. Это жертвы, кровь, хаос, голод»*, сторонники призывают к митингу и борьбе: *«А мы, в преддверии завтрашнего дня, хотим обратиться к ПОКА еще президенту Российской Федерации»*. Характерной чертой отобранного системой интернет-сообщества Абакана является относительно старший возраст авторов.

В Барнауле 23 января в митинге приняло участие около 3000 чел., 19 задержано. Программа обнаружила 4145 сообщений (20%), из которых распознала 289 как негативные, 32 как позитивные, 10 как смешанные и 3814 без знака (нейтральные). В целом, интернет-сообщество Барнаула представлено более молодыми когортами участников, наиболее активная часть которых ориентирована на коммунизм как идеологию и ценности социальной справедливости. *«Либералы оказываются в ловушке, которую сами себе поставили: стремясь всего лишь заменить одних олигархов на других, они отсекают от протеста огромные массы населения, которым не нужны никакие олигархи в принципе»*¹⁶ (780 комментариев, 2104 лайка и 533 репоста).

Основные города Кемеровской области (Кузбасса) – Кемерово (региональный центр) и Новокузнецк – «1». В Кемеровской области региональный авторитарный режим (определяемый, по некоторым оценкам, иногда как султанат)¹⁷ не изменил своих характеристик после смены регионального лидера. Число участников митингов от 200 до 600 чел. (разные источники дают самые разные данные), задержанных в Новокузнецке нет (через неделю здесь их будет 90 чел.), в Кемерово на 31 января задержаны двое. Система обнаружила 2375 записей (11%), из которых определила как негативные –73, позитивные – 52, смешанные – 13, 2237 – без оценки. Пик активности – 23-25 января, самая высокая активность в возрастной группе 36-45. Здесь самыми популярными ресурсами оказались группы, например, «Все нормально, это Кемерово», подающие безоценочную информацию в тональности СМИ¹⁸, или «Мое Белово» (сообщение оценивается как позитивное) *«Отдельное спасибо сектантам Навального, что продемонстрировали свое истинное лицо и еще раз доказали какие они мрази»*¹⁹. Дети в Кемеровской области – одна из наиболее часто встречаемых тем. *«Адепты Навального зовут школьников на митинги. Только слепоглухо-немой капитан дальнего плавания не видит в этом очевидной провокации. Выставить несовершеннолетних живым щитом на несанкционированные митинги для свержения власти? Такое может предложить только подлец»* (1973 г.р., 2 комментария, 35 лайков, 20 репостов).

Прежде чем перейти к выводам на основе полученных данных, необходимо обозначить тот комплекс ограничений, связанных с автоматическим сбором сведений (системой IQBuzz). Гипотетически перед началом мероприятия должна быть активность в обсуждении, не обнаруженная алгоритмом, возможно, это связано с тем, что часть групп была заблокирована, возможно, с настройками поисковой системы, не всегда выдающей полный объем данных «из прошлого». Практически все рейтинговые материалы (комментарии, лайки, репосты) взяты из двух ресурсов «ВКонтакте» и «Одноклассники», нет материалов из Фейсбука, Инстаграма и Ютуба. Знак, тональность, проставляемая системой, может служить только некоторым ориентиром, также не связанным с предметом обсуждения. Отдельная область проблем, требующая особого внимания, – отделение реальных пользователей от

¹⁵ Пост «Одноклассники» [Электронный ресурс]. URL: <https://ok.ru/profile/532900196801/statuses/152629841552321> (дата обращения 13.04.2021).

¹⁶ Пост ВКонтакте [Электронный ресурс]. URL: https://m.vk.com/wall-73211733_260262 (дата обращения 13.04.2021).

¹⁷Султанат без тормозов. Почему власть оскорбляет родственников жертв пожара [Электронный ресурс]. // Свобода URL: <https://www.svoboda.org/a/29130555.html> (дата обращения 27.02.2021).

¹⁸ Пост ВКонтакте [Электронный ресурс]. URL: https://m.vk.com/wall-183355811_100836 (дата обращения 13.04.2021).

¹⁹ Пост ВКонтакте [Электронный ресурс]. URL: https://m.vk.com/wall-34720766_19635 (дата обращения 13.04.2021).

программ, созданных для раскрутки публикаций (ботов), или комментариев, написанных по заказу. Задача на будущее – точнее определять границы массивов, принципы конструирования и механизмы адресного влияния на различные аудитории фейковых сообщений. Тем не менее опыт исследования с помощью алгоритмов мы оцениваем как положительный, так как он позволяет сравнить объемы производимых и тиражируемых документов, прояснить некоторые социально-демографические характеристики аудитории и дать качественную оценку полученных материалов.

Результаты работы и выводы

Общая тенденция по числу найденных системой документов (из нее несколько выпадает Томск) – чем больше сообщений, тем больше участников мероприятий (рис. 1). Самое большое количество текстов приходится на Новосибирск и Барнаул, где наибольшее число участников протеста. В каждом городе и регионе в фокусе внимания своя группа проблем. В Новосибирске и Томске доминировала агрессивная и уничижительная критика, направленная против сторонников митинга, немного разбавленная депутатскими постами с пафосной аргументацией. В Кемеровской области 23 января прошло под условным лозунгом «защитим детей», и все усилия администрации и ее сторонников в цифровой среде были направлены на предотвращение гипотетического детского бунта. В Абакане старшая возрастная категория «устыжала» и осуждала лидера оппозиции как нарушителя спокойствия, агента воображаемого Запада и т.д. В Барнауле критика протестующих велась в основном из классовых, марксистских позиций.

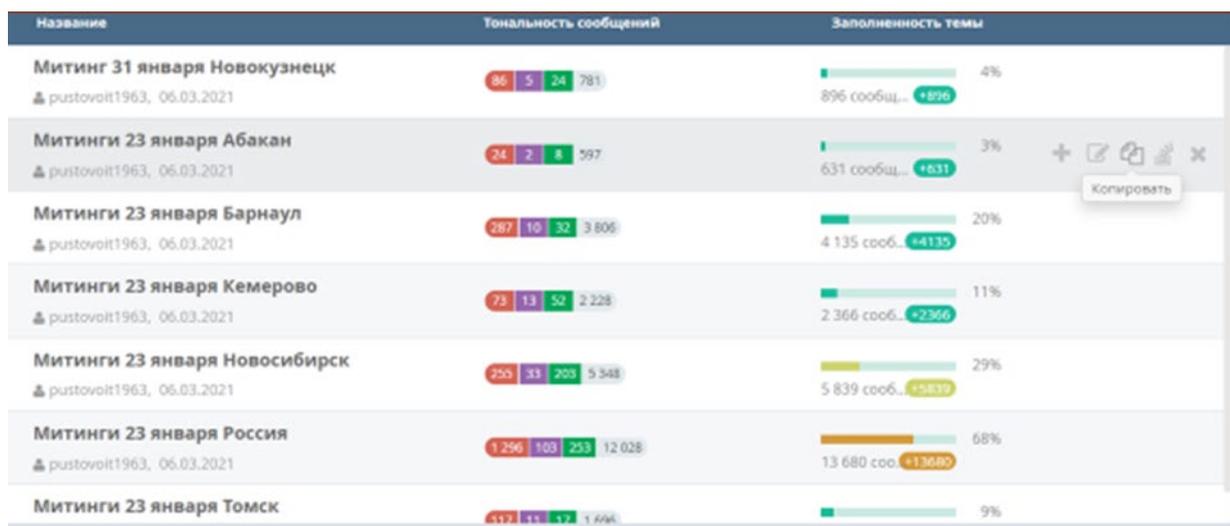

Рис. 1. Скриншот монитора автора статьи со статистикой активности в социальных сетях по Сибирским регионам с 20 января 2021 по 26 января 2021 г.

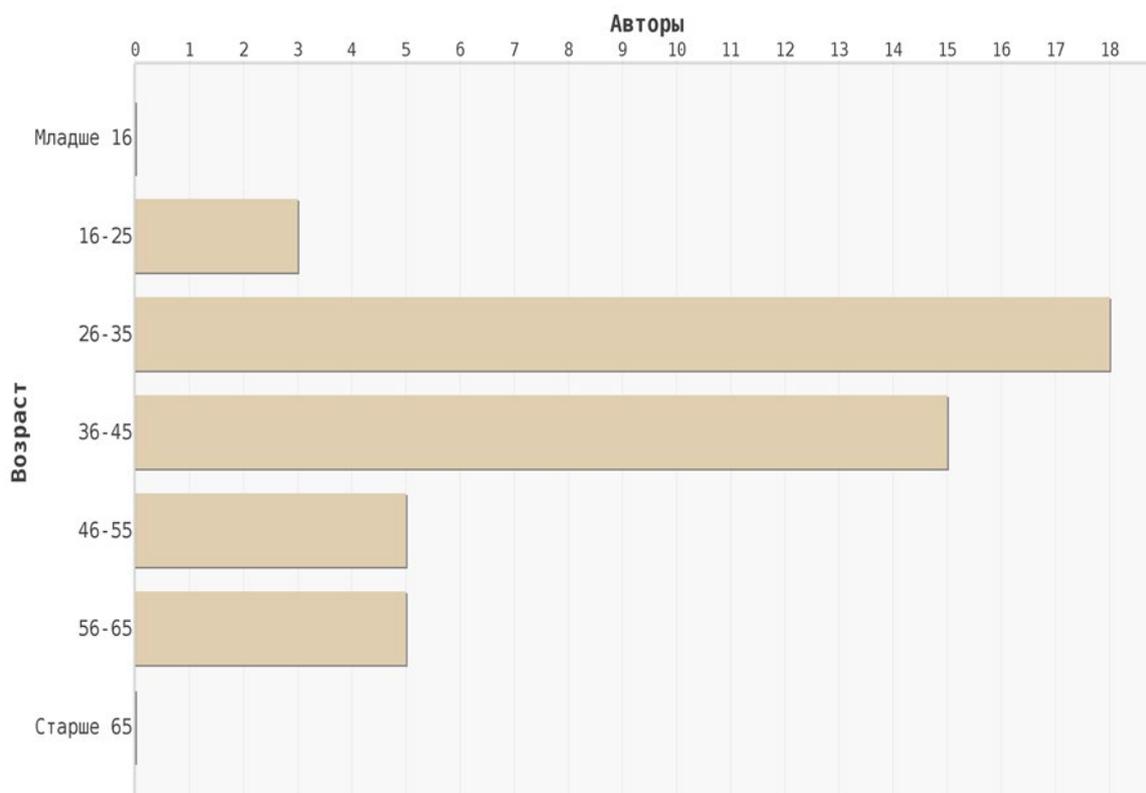

Рис. 2 Отобранные системой данные по России на 23.01.21 теме «Митинги 23 января». Разбивка авторов по возрасту и числу негативных сообщений

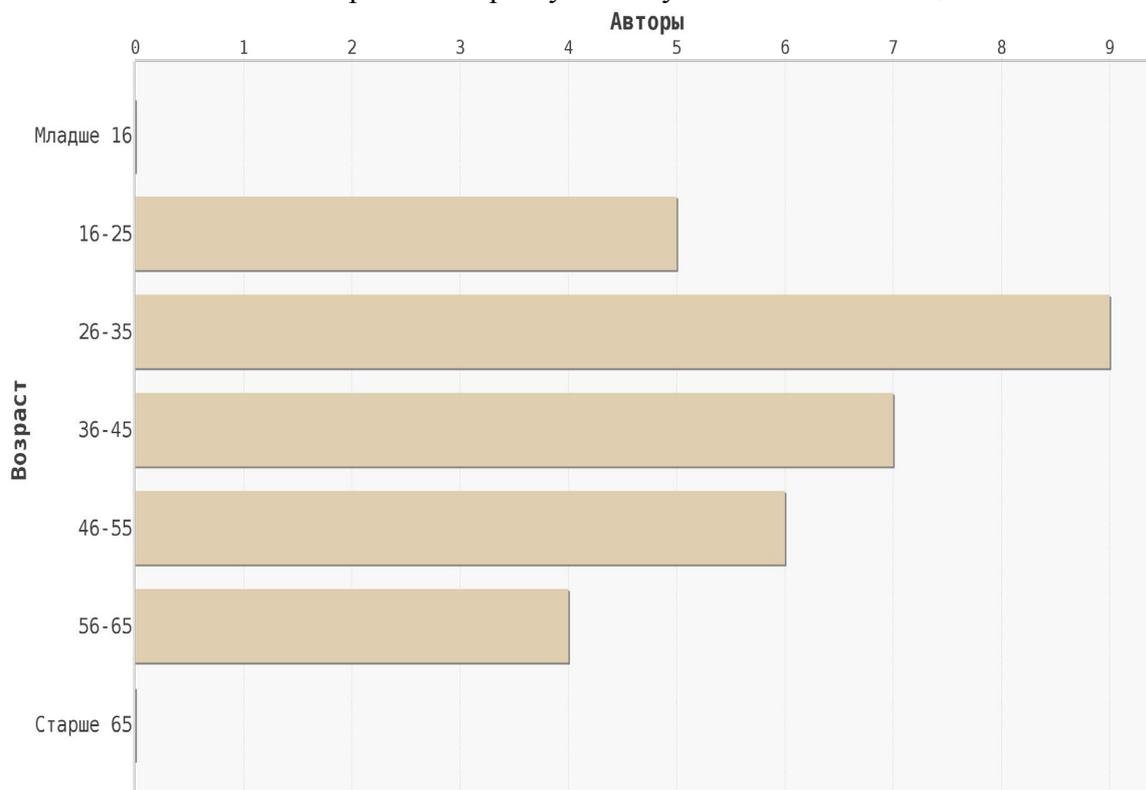

Рис. 3. Отобранные системой данные по России на 23.01.21 теме «Митинги 23 января». Разбивка авторов по возрасту и числу позитивных сообщений

Во всех случаях в фокусе внимания была личность Навального. Ситуация и ее правовая оценка не были в фокусе внимания. Обычно тесты строились по некоторому общему

алгоритму. Оценка личности (герой или подлец) – гипотетическая причина (возмущение несправедливостью и обличение сильных – обрабатывание денег хозяев) – сторонники и их характеристики (честные бесстрашные граждане – молодые безмозглые сумасшедшие), оценка результата (неадекватные репрессии – наведение законного порядка).

1. Теория поколений при всех ее ограничениях представляет собой вполне продуктивное направление исследований. Критику взятого нами за основу подхода, делающую акцент на критериях выделения, описании характеристик, способах получения и обработки эмпирических данных, считаем вполне обоснованной. Полагаем, что вряд ли можно установить универсальные и точные границы между поколениями, прогнозировать индивидуальное и групповое поведение в зависимости от года рождения, находить и прорабатывать общие исторические комплексы травмирующих или жизнеутверждающих событий детства и юности, определяющих специфику взрослого и зрелого социального взаимодействия. Тем не менее возраст и условия юношеской социализации могут служить значимыми маркерами для прогнозирования и объяснения степени политической активности и пассивности (доминантные и рецессивные поколения), внутриличностного соотношения индивидуальных и коллективных интересов (чувства «Я» и «Мы»), значимости той или иной аргументации как обоснования для формирования политической позиции (соответствие и несоответствие поколенческому архетипу).

2. Смена официальной политической системы и изменения каналов коммуникации пока не особенно повлияли на способы выделения политических проблем. Социальные мифы, страхи и фобии во многом остаются прежними. Активно входящие в политическую жизнь представители российских миллениалов, получившие политическую социализацию в благополучные нулевые годы, ориентированные, прежде всего, на цифровое общение, возможно имеют больше общих характеристик со своими зарубежными ровесниками, чем со своими родителями. В политической жизни это мифологизация лидерства, ценность самого факта конфликтного, нонконформистского высказывания, некоторого героического поступка, действия ради самореализации. Выработка последовательных политических компромиссных программ, нахождение точек соприкосновения и переговоры не пользуются особой популярностью и находятся на периферии внимания. Мобилизационная повестка насыщена яркими образами, визуальными высказываниями, но не печатными текстами, во взаимодействии стимулируется эмпатия и эмоциональность, а не артикуляция рациональных индивидуальных и групповых интересов.

3. На этом этапе исследования считаем, что нет какого-либо разлома между поколениями и формирования какого-либо нового специфического поведения у миллениалов. Мы не нашли каких-то политических проблем, которые определяют специфику поколения и не интересны или не привлекают внимания других возрастных групп. Нет и тех или иных ценностей или идеологических конструктов, которые служат границами между поколениями, по нашим наблюдениям и данным во всех возрастных когортах присутствуют носители либеральных, националистических и коммунистических взглядов. Материалы «23 января» показывают, что основной символический конфликт проходит между «властными» и «провластными» сообществами, имеющими конкурентные коллективные и индивидуальные преимущества в рамках официальной политики, и теми, кто их не имеет («несистемной оппозицией»). «Разлом» как отказ от коммуникации и полное неприятие оппонента проходит скорее внутри каждого поколения, ровесниками, часть которых включена в официальную политическую систему, и той частью, которая действует в политическом поле самостоятельно.

4. Если рассматривать города как «естественные лаборатории», то в условиях относительного благополучия правящие группы будут ориентироваться на индивидуальный отбор и инкорпорацию активных миллениалов в политическую систему через механизмы электоральной и партийной конкуренции. В городах с современным растущим сектором экономики услуг политические субъекты производят несколько мобилизационных повесток.

Политическая дискуссия становится элементом реального поведения и разворачивается по всем трем полям: институциональном, символическом и митинговом. Здесь главным ограничителем оппозиции выступает не столько регрессионная активность властей и насилие (которое время от времени превентивно применяется к лидерам и активистам), сколько большее число конкурентов. В регионах с индустриальной экономикой и со сложившейся авторитарной моделью управления, где эффективная мобилизационная повестка формируется только властными коалициями, официальная власть активно зачищает политическое поле от всех возможных оппонентов, выдавливая их в другие регионы и прекращая политическую дискуссию, переводя ее в административное поле обеспечения безопасности. Здесь формула мобилизационного успеха – «советские» прагматики, рассказывающие про милитаризированный патриотизм. В городах с более сложной экономической ситуацией, как показывает опыт Барнаула, при росте инициативы и активности происходит обострение политической борьбы и в социальных сетях, и на площадях. Здесь, как и в Абакане, оппозиция может сформировать эффективную мобилизационную повестку, «бумерскую» по возрасту и социалистическую по содержанию, но в силу ограниченности, прежде всего, экономических ресурсов ее вряд ли удастся сделать повесткой политической и создать вокруг нее устойчивые локальные коалиции власти.

Литература

1. *Анипкин М.А.* Поколение «лишних людей»: антропологический портрет последнего советского поколения //Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. – 2018. – №1. – С. 290-308.
2. *Ачкасова В.А.* Особенности современных пропагандистских методов в мобилизационных процессах // Стратегические коммуникации в бизнесе и политике. – 2015. – Т. 1. – № 1. – С. 77-80.
3. *Бродовская Е., Домбровская А.* Большие данные в исследованиях политических процессов. – Москва: МПГУ. 2018. – 88 с.
4. *Воронков В.М.* Проект «шестидесятников»: движение протеста в СССР //Отцы и дети: поколенческий анализ современной России. /Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. – Москва: Нов. лит. обозр. – 2005. – С. 168-200.
5. *Голдстоун Дж.* К теории революции четвертого поколения //Логос. – 2006. – №5. – С. 58–103.
6. *Жуков Д.С.* Самоорганизованная критичность в социальных медиа: методы изучения политической мобилизации в Сети //Журнал политических исследований. – 2019. – Т.3. – №2. - С. 11-23.
7. *Кисляков Е.А.* Политическая повестка в зарубежных исследованиях: концептуальный и прикладной ракурс //Журнал политических исследований. – 2019. – Т.3. – №4. – С. 157-163.
8. *Коллинз Р.* Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. /Пер. с англ. Н.С. Розова и Ю.Б. Вертгейм. – Новосибирск: Сиб. хрон-ф. 2002. – 1280 с.
9. *Мангейм К.* Проблема поколений //Новое литературное обозрение. – 1998. – № 2 (30). – С. 7–47.
10. *Митрохина Т.Н.* Политическая повестка дня для России в официальном дискурсе власти //Власть. – 2012. – №5. – С. 4–8.
11. *Пустовойт Ю.А.* Протест в городах Сибири: опыт измерения факторов мобилизационной активности //Вестник Пермского университета. Политология. – 2020. – Т. 14. – №3. – С. 122–130. - DOI: 10.17072/2218-1067-2020-3-122-130.
12. *Радаев В.* Миллениалы. Как меняется российское общество. – Москва: Издательский дом Высшей школы экономики. 2019. – 230 с.
13. *Розов Н. С.* Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. – Москва: РОССПЭН. 2011. – 735 с.

14. *Сосунов Д.В.* Формирование политической повестки дня современной России //Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – 2018. – №1. – С. 143–146.
15. *Тилли Ч.* От мобилизации к революции. – Москва: Изд. дом ВШЭ. 2019. – 432 с.
16. *Травин Д.* Семидесятнугые – анализ поколения [Препринт М-25/11]. – Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 2011. – 36 с.
17. Федорченко С.Н. Политический анализ через оптику Google Trends (кейсы Италии, США, России, Германии и Мексики) //Журнал политических исследований. – 2019. – Т. 3. – №. 4. – С. 142-156.
18. *Хокишлд А.* Управляемое сердце. Коммерциализация чувств. – Москва: Дело. 2019. – 392 с.
19. *Юрчак А.* Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. – Москва: Новое литературное обозрение. 2016. - 664 с.
20. *Van Aelst P.* Media, political agendas and public policy //Handbook of Political Communication. Ed. Carsten Reinemann. - Berlin: De Gruyter-Mouton. - 2014. - P. 231-248.
21. *Strauss W., Howe N.* The fourth turning: What the cycles of history tell us about America's next rendezvous with destiny. – Crown. 2009. 400 p.

References

1. Anipkin M. Pokolenie “lishnih lyudej”: antropologicheskij portret poslednego sovetskogo pokoleniya [The generation of “extra people”: an anthropological portrait of the last Soviet generation]. *Neprikosnovennyj zapas* [Emergency ration]. 2018, I. 1, pp. 290–308. (In Russian).
2. Achkasova V.A. Osobennosti sovremennykh propagandistskikh metodov v mobilizatsionnykh protsessakh [Features of modern propaganda methods in mobilization processes] *Strategicheskie kommunikatsii v biznese i politike* [Strategic communications in business and policy]. 2015, V. 1, I. 1, pp. 77–80. (In Russian).
3. Brodovskaja E., Dombrovskaja A. *Bol'shie dannye v issledovanijah politicheskikh processov*. [Big Data in Political Research.]. M., MPGU Publ., 2019, 88 p. (In Russian).
4. Voronkov V. M. Proekt "shestidesyatnikov" — dvizhenie protesta v SSSR [The project of the "sixties": the protest movement in the USSR] *Otcy i deti: pokolencheskii analiz sovremennoi Rossii*. [The project of the "sixties": the protest movement in the USSR // Fathers and children: a generational analysis of modern Russia]. 2005, pp.168-200. (In Russian).
5. Goldstone J. K teorii revolyucii chetvertogo pokoleniya [On the theory of the fourth-generation revolution] *Logos* [Logos]. 2006, I. 5, pp. 58–103. (In Russian).
6. Zhukov D. S. [Problems and possibilities of big data for studying selforganized criticality in social media]. In: *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Political Research]. 2019, V. 3, I. 1, pp. 27–39. (In Russian).
7. Kislyakov E.A. Politicheskaya povestka v zarubezhnykh issledovaniyakh: kontseptual'nyy i prikladnoy rakurs [Political Agenda in Foreign Studies: Conceptual and Applied Perspective] *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Political Research]. 2019, V. 3, I. 4, pp. 157-163. (In Russian).
8. Kollinz R. *Sociologija filosofij: global'naja teorija intellektual'nogo izmenenija*[The Sociology of Philosophies: A Global Theory of Intellectual Change]. Translation from English N.S. Rozov, Yu.B. Vertgeym, Novosibirsk, Sib. khron-f Publ., 2002, 1280 p. (In Russian).
9. Mannheim K. Problema pokolenij [Generational problem]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. [New literary review], 1998, I. 2(30), pp. 7–47. (In Russian).
10. Mitrokhina T.N. Politicheskaya povestka dnya dlya Rossii v ofitsial'nom diskurse vlasti [Political Agenda for Russia in the Official Discourse of Power] *Vlast'* [Power]. 2012, I. 5, pp. 4–8 (In Russian).
11. Pustovojt Ju.A. Protest v gorodah Sibiri: opyt izmerenija faktorov mobilizacionnoj aktivnosti [Protest in the cities of Siberia: experience in measuring factors of mobilization activity]. *Vestnik*

- Permskogo universiteta. Politologija* [Bulletin of Perm University. Political Science], 2020, I. 14 (3), pp. 122–130. DOI: 10.17072/2218-1067-2020-3-122-130. (In Russian).
12. Radaev V. Millenialy. *Kak menjaetsja rossijskoe obshhestvo* [Millennials. How Russian society is changing]. Moscow, HSE Publ., 2019, 230 p. (In Russian).
13. Rozov, N. S. (2011). *Koleya i pereval: makrosotsiologicheskiye osnovaniya strategiy Rossii v XXI veke* [Rut and Pass: Macrosociological Strategies of Russia in the 21st Century.]. M. ROSSPEN Publ., 735 p. (In Russian).
14. Sosunov D.V. Formirovanie politicheskoy povestki dnya sovremennoy Rossii [Formation of the political agenda of modern Russia] *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija. Politologiya. Sotsiologiya* [Bulletin of the Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology.]. 2018, I. 1 pp. 143–146. (In Russian).
15. Tilli Ch. *Ot mobilizacii k revoljucii* [From mobilization to revolution]. Moscow: HSE, 2019. 432 p. (In Russian)
16. Travin D. *Semidesyatnutye — analiz pokoleniya* [Preprint M-25/11]. [The Seventies - Generation Analysis [Preprint M-25/11]] SPb., House of the European University at St. Petersburg Publ., 2011, 36 p. (In Russian).
17. Fedorchenko S. N. Politicheskij analiz cherez optiku Google Trends (keysy Italii, SSHA, Rossii, Germanii i Meksiki). [Political analysis through the optics of Google Trends (cases of Italy, USA, Russia, Germany and Mexico)]. *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Political Research]. 2019, V. 3, I. 4, pp. 142-156. (In Russian).
18. Hokshild A. *Upravljaemoe serdce. Kommerzializacija chuvstv* [A controlled heart. Commercialization of feelings]. M., Delo Publ., 2019, 392 p. (In Russian).
- 19 Yurchak A. *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'.* *Poslednee sovetskoe pokolenie.*[It was forever, until it ended. The last Soviet generation.]. M., Novoe literaturnoe obozrenie, 2016, 664 p. (In Russian).
20. Van Aelst P. *Media, political agendas and public policy.* Handbook of Political Communication. Ed. Carsten Reinemann. Berlin, De Gruyter-Mouton Publ., 2014, pp. 231-248.
21. Strauss W., Howe N. *The fourth turning: What the cycles of history tell us about America's next rendezvous with destiny.* Crown, 2009, 400 p.